

Учитывая ранения госпожи Юй, её оставили отдыхать в повозке. Неподалёку, у корня дерева, сидел, обхватив колени, Лань Тиншэн. Казалось, он спал, но лёгкие подрагивания тела выдали его.

Сяо Синюй, движимый чувством вины, отказался от возможности поговорить с Се Нин и подсел к Лань Тиншэну, тихо спросив:

— Ты плачешь?

Лань Тиншэн, конечно, не спал. Услышав вопрос, он резко поднял голову. В его глазах были видны следы усталости, но слёз не было, хотя, возможно, он всё же плакал, так как глаза блестели от влаги.

Он не говорил, но его юный голос с лёгкой назальностью выдал его полностью.

— Что ты несёшь? Кто плачет?

Его голос был довольно громким, и Се Нин, протирая лезвие короткого меча, тоже повернулся, чтобы взглянуть на него.

Сяо Синюй подумал, что он явно плакал, но, чтобы не задевать гордость ребёнка, не стал настаивать. Он потирал кончик носа и мягко сказал:

— Да-да, ты не плакал. Ты ведь так ненавидишь Дуань Цинфэна, как мог бы плакать из-за него?

Лань Тиншэн сердито посмотрел на него и грубо ответил:

— Мужчины не плачут по пустякам. Я ведь семифутовый мужчина, как могу плакать из-за таких мелочей? Ты думаешь, я такой же, как ты, который вечно ноет?

Сяо Синюй возразил:

— С тех пор как я стал взрослым, я не плакал.

Лань Тиншэн не стал с ним спорить, лишь фыркнул и отвернулся. Сяо Синюй, которому было скучно, снова проявил любопытство и спросил:

— Кстати, Дуань Цинфэн всегда хорошо к тебе относился. Почему ты его так ненавидишь?

Лань Тиншэн фыркнул и посмотрел в сторону Се Нин, который, казалось, спокойно чистил меч, но Лань Тиншэн знал, что он тоже слушает.

Сяо Синюй подождал, думая, что Лань Тиншэн не ответит, и, вздохнув, сказал:

— Дуань Цинфэн, похоже, ко всем относится хорошо. Мы с ним едва познакомились, а он уже готов был за меня жизнь отдать. Мне действительно неловко, и я бесконечно благодарен.

Внезапно Лань Тиншэн заговорил, ответив на предыдущий вопрос Сяо Синюя.

— Дуань Цинфэн, наверное, говорил тебе, что я единственный ученик Лу Шифана, знаменитого похитителя женщин двадцать лет назад.

Сяо Синюй на мгновение задумался, затем кивнул:

— Да, он говорил.

Лань Тиншэн опустил глаза, глядя на пламя костра, и продолжил:

— На самом деле, меня подобрал мой учитель в публичном доме.

— Что?

Сяо Синюй широко раскрыл глаза, и даже Се Нин на мгновение остановился, чистя меч.

Лань Тиншэн продолжил:

— Я помню, что в детстве жил с родителями в большом доме. Но однажды моя мать внезапно увела меня, тогда пятилетнего, из дома и отдала какому-то злому мужчине. Я до сих пор помню её слова: она сказала, чтобы я хорошо слушался дядю, и она скоро вернётся за мной...

Лань Тиншэн на мгновение замолчал, словно успокаиваясь, но в его голосе всё ещё звучала обида.

— Но она так и не вернулась, и я больше никогда её не видел.

— На следующий день этот мужчина продал меня работорговцу, и после нескольких перепродаж я оказался в публичном доме... Я провёл там почти два года, запертый в маленькой комнате с другими детьми. Когда мне было почти семь лет, хозяйка выпустила нас и начала учить нас музыке, каллиграфии, пению и танцам, одновременно давая нам грязные лекарства...

Лань Тиншэн не хотел вдаваться в подробности, но Сяо Синюй уже чувствовал боль за него.

Он вздохнул и продолжил:

— Я отказался пить лекарства, убежал, но меня быстро поймали, жестоко избили и продолжили дрессировать. Однажды, когда меня почти до смерти избивали, появился мой учитель и забрал меня, взяв в ученики.

Но позже Лань Тиншэн узнал, что Лу Шифан на самом деле пришёл в публичный дом из-за куртизанки, а увидев его, избиваемого во дворе, подумал, что это девушка, и забрал с собой.

Но когда он привёл его домой и помыл, то обнаружил, что это мальчик. Хотя ребёнок был очень красивым, Лу Шифан был разочарован.

— Учитель сказал, что, к счастью, он не любит мужчин, иначе я бы...

Лань Тиншэн немного разозлился и мрачно добавил:

— Когда я научился мастерству, я жестоко отомстил всем, кто меня обижал, особенно работорговцу и хозяйке публичного дома! Но три года назад мой учитель умер, и после этого я вышел в мир. Я хотел найти женщину, которая родила, но бросила меня, но не знал, с чего начать. Потом я подумал, что учитель научил меня искусству лёгкости, и я решил использовать его, чтобы обворовывать весь мир.

— Вы видели родимое пятно у меня на шее. Я хотел, чтобы эта женщина знала, что её сын — самый плохой человек в мире, чтобы отомстить ей. Но вначале, хотя и были трудности, всё шло более или менее гладко. А с Дуань Цинфэном я столкнулся, потому что...

Он замолчал, не желая продолжать.

Сяо Синюй, заинтригованный, предположил:

— Дуань Цинфэн не был ли твоей первой жертвой?

Лань Тиншэн удивлённо посмотрел на него:

— Откуда ты знаешь?

Лань Тиншэн признал:

— Да, я знал, что он известный художник, использующий золотую кисть, и что у него есть мастерская, полная его ценных картин. Поэтому я выбрал его первой жертвой...

Однако, когда Лань Тиншэн ворвался в его тайную комнату, он увидел картину, написанную Дуань Цинфэном много лет назад, и в углу заметил свою мать. В панике он задел подсвечник, и в комнате, полной легковоспламеняющихся материалов, быстро вспыхнул пожар. Дуань Цинфэн заметил, что в доме вор, и вступил в схватку с Лань Тиншэном.

Но Лань Тиншэн защищал картину, и, несмотря на атаки Дуань Цинфэна, не хотел её отдавать. К несчастью, вскоре картина попала в огонь, и Лань Тиншэн, получив удар от Дуань Цинфэна, выплюнул кровь, но не стал драться дальше, а бросился в огонь, чтобы спасти картину.

Дуань Цинфэн был шокирован его безумием и вытащил его. Когда Лань Тиншэн очнулся, первым делом спросил о судьбе картины. Хотя Дуань Цинфэн был тем, кто потерял больше всех, ведь пожар уничтожил его многолетние работы, юноша вёл себя так, будто был прав, и даже обвинял Дуань Цинфэна.

Тогда шестнадцатилетний Лань Тиншэн не был таким неприятным, как сейчас. Расстроенный, он рассказал Дуань Цинфэну свою историю и даже спросил, не его ли он сын... Просто Дуань Цинфэн был старше него на десять с лишним лет, и у него была картина его матери. Услышав слухи, что Дуань Цинфэн был связан с женщиной на картине, Лань Тиншэн, не подумав, наговорил глупостей, но Дуань Цинфэн терпеливо объяснил ему всё и относился к нему как к почётному гостю.

Но Дуань Цинфэн, конечно, не был его отцом, и даже не помнил, о какой женщине говорил Лань Тиншэн.

После истерики Лань Тиншэн сам почувствовал неловкость и на следующий день, не долечившись, сбежал. Дуань Цинфэн, чувствуя вину за то, что лишил Лань Тиншэна шанса найти мать, с тех пор помогал ему в поисках.

Хотя история казалась трогательной, Сяо Синюй не сдержал смеха, но быстро прикрыл рот, притворившись серьёзным, и вздохнул:

— Не думал, что у тебя такое прошлое.

Лань Тиншэн явно услышал его смех. Ну и что, что в панике он принял Дуань Цинфэна за отца? Хотя с тех пор он считал это пятном на своей репутации и никому не позволял об этом говорить.

Лань Тиншэн постепенно хмурился:

— Если ты посмеёшься, я тебя убью.

Сяо Синюй понял, что нельзя смеяться над болью ребёнка, и серьёзно спросил:

— Значит, тебе скоро будет двадцать?

— Какое тебе дело?

<http://bllate.org/book/16563/1512522>